

ЕЛЕНА ТКАЧЕВА

ИЗМЕНА.

— ИЗЦЕЛЕНИЕ —
ОТ ПОЛКОВНИКА

18+

Елена Ткачева

Лечение измены от полковника

«Автор»

2026

Ткачева Е.

Лечение измены от полковника / Е. Ткачева — «Автор», 2026

— Ты... ты... как ты мог? — сорвался у меня голос. Он подошел ко мне и, схватив за плечи, встряхнул:— Это не то, что ты думаешь. Я всё объясню. Я оттолкнула его:— Что ты объяснишь, что трахал какую-то шлюху на своем столе? — срываюсь я.— Я не шлюха, я его любимая женщина, — возмущается девица.— Лиза, помолчи, — срывается мой муж.— Почему я должна молчать, ты уже второй месяц обещаешь от нее уйти, я устала ждать, — напирает она на Макара. Принеся обед мужу на работу, застала картину, которая перевернула мою жизнь до и после, но почему мне кажется, что всё только начинается. И дело не в муже, а в одном наглом полковнике.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	12
Глава 7	13
Глава 8	14
Глава 9	16
Глава 10 Громов	18
Глава 11 Громов	21
Глава 12	24
Глава 13	25
Глава 14	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Ткачева

Лечение измены от полковника

Глава 1

-Привет, дорогая, — врывается в кабинет моя подруга, по совместительству моя коллега, задумчиво рассматриваю историю болезни, готовясь к операции. Медленно поднимаю голову и смотрю на нее, задумчиво произнося:

-У тебя было такое, что всё хорошо, но предчувствие плохого не дает покоя?

-Это связано с твоим пациентом? — спрашивает Лариса.

-Нет, с пациентов всё понятно, плановая операция по удалению желчного пузыря, — произношу, обводя кабинет пристальным взглядом, пытаюсь отогнать невеселые мысли.

-Тогда что тебя тревожит накануне такого праздника, 30 лет один раз в жизни? Как психологи называют переход после 30 в зрелую жизнь. — произносит подруга, и я усмехаюсь, ее увлечение психологией иногда удивляет, особенно на фоне хорошего хирурга, которым она является.

-Да, завтра день рождения. Приедут родители Макара. — произношу и думаю, понравится ли свекрови новый ремонт в нашей квартире.

Моя свекровь неплохая женщина, но общий язык мы с ней не можем найти со дня знакомства: то профессия моя ей не нравится, то мало внимания уделяю мужу, и всё по той же схеме каждый раз

-А что там Макар на новом месте работы?-интересуется Лара.

Мой муж работает в МВД, месяц назад получил капитана, и его назначили на новое место начальника подразделения.

-С его новым назначением мы мало видимся, то он допоздна на работе, то я на дежурстве. Ощущение, что наша семейная жизнь пала под натиском карьеры. — произношу и горько усмехаюсь.

Уже забыла, когда мы были близки в интимном плане, зная, какой муж ненасытный в плане секса. Меня это сильно удивляет и настораживает.

-Ясно, — протягивает подруга, — ладно, пойду, через 5 минут прием. У тебя одна операция?

-Да, — говорю и смотрю на часы, пора готовится к операции.

Встаю, поправляя халат, прощаюсь с Ларисой и спешу в сторону операционной. По дороге попадаются коллеги, все приветливо здороваются.

Пока готовлюсь, вспоминаю, как познакомилась с мужем.

Мы познакомились, когда я училась в университете и проходила практику в больнице, а Макар был молодым сотрудником МВД. Наши пути поначалу не пересекались, но в какой-то момент мы оказались на одном мероприятии, посвящённом профессиональным вопросам.

Наши взгляды пересеклись, и завязался разговор. Оказалось, что у нас много общего — мы оба были увлечены своей работой и стремились к достижению целей. С тех пор мы начали общаться, и постепенно наши отношения переросли в нечто большее.

Помню, что наши встречи были редкими, но каждый раз мы находили время, чтобы узнать друг друга лучше. Постепенно мы поняли, что хотим быть вместе, и начали строить наши отношения. Я помню, как было волнительно и в то же время радостно осознавать, что встретила человека, с которым хочу разделить свою жизнь.

Из воспоминания меня вырывает голос анестезиолога, что всё готово, можно приступать.

Я подхожу в операционную, готовлюсь к работе. В операционной всё подготовлено, коллеги профессионально выполняют свои обязанности.

Начинается операция по удалению желчного пузыря. Я сосредотачиваюсь на процессе, слежу за каждым своим движением. Всё должно быть точно и аккуратно.

Анестезиолог подаёт сигнал, что пациент под наркозом и готов к началу. Я приступаю к работе, провожу необходимые манипуляции. Операция проходит в спокойной и деловой обстановке.

После завершения всех этапов операции я убеждаюсь, что всё сделано правильно.

Всё прошло успешно, и я чувствую удовлетворение от проделанной работы.

Глава 2

Я выхожу из здания и вдыхаю свежий воздух. На улице уже не так многолюдно, как днём. Я иду к парковке, мимо меня проезжают машины. Я замечаю, как меняется освещение на улицах, приближаясь вечер.

Наконец я подхожу к своей «Киа». Открываю дверь, сажусь в машину и включаю зажигание. Я выезжаю с парковки и вливаюсь в поток машин. Дорога домой проходит по знакомым улицам, и я с удовольствием рассматриваю вечерний город за окном.

Я проезжаю несколько перекрёстков, сворачиваю на нужную улицу и вскоре вижу свой дом. Паркуюсь и направляюсь к подъезду.

Захожу в квартиру и понимаю, Макара дома нет. Не долго думая, отправляюсь в ванну, чтоб смыть запах больницы.

Выхожу и принимаюсь готовить ужин. Через час слышу открывание входной двери и спешу встретить мужа.

— Привет, родной, — произношу, целую мужа в щеку. — Как дела на работе?

— Здравствуй, дорогая у нас с сегодняшнего дня новое начальство. — грустно произносит муж.

— Что-то случилось с Владимир Петровичем? — спрашиваю я, возвращаясь на кухню.

Владимир Петрович — полковник МВД, который помог моему мужу получить место при главном отделе, а также является лучшим другом моего свекра еще со службы в армии.

Муж идет за мной, продолжая говорить:

— Владимир Петровича с сегодняшнего дня отправили на пенсию. — грустно усмехается муж. — А к нам назначили подполковника со столицы, только приехал, и всё ему не нравится.

Смотрю на мужа и понимаю, что Макар недоволен, ведь это значит, что придется работать, а не прикрываться связями отца.

Иногда муж считает себя самым лучшим, он мог смотреть на окружающих свысока, выражать уверенность в своём превосходстве и при этом не всегда ценить то, что ему поручают. Это могло проявляться в виде высокомерия и недовольства своими обязанностями. Но Владимир Петрович пропускал это в шутливой форме, мол, дослужится до капитана, и всё высокомерие спадет.

— Ясно, — проговорила я, накладывая ужин мужу.

— Ты не забыл, что завтра праздничный ужин в ресторане? Приезжают твои родители. — перевожу разговор на другую тему, чтоб муж переключился с работы на дом.

— Извини, котенок, совсем вылетело это из головы, хорошо, что напомнила, — проговаривает муж, накручивая на вилку спагетти. — Но боюсь, что меня могут не отпустить рано с работы, сможешь встретить родителей без меня.

— Конечно, я понимаю, — стараюсь выдавить улыбку, а у самой кошки на душе. Даже в такой день не может отпроситься.

Макар доедает, складывая приборы на тарелку.

— Спасибо, было очень вкусно. Ну не расстраивайся так, это же не последний наш праздник, просто сейчас в связи с новым начальством все ведомство стоит на ушах, еще эти стажеры, — уже тише проговаривает муж.

— Какие стажеры? — спрашиваю, ведь Макар ни разу не упоминал об этом.

Макар смотрит на меня потрясенно, будто не веря, что проговорился, а потом его лицо надевает маску спокойствия.

— Да нам пару месяцев назад прислали пять стажеров и приставили к наставнику, — нехотя говорит муж.

Ты тоже взял стажера?

-Конечно, — пожимает плечами муж, как будто я спросила какую-то чушь.

-И кого ты взял парня или девушку?

— Да там парень, не бери в голову. — махнув рукой, муж садится в свое любимое кресло включая хоккей.

Я сижу на кухне, пью чай и смотрю, как муж смотрит хоккей по телевизору. Вечер проходит спокойно, и я чувствую, как напряжение дня постепенно уходит.

— Всё хорошо, любимый? — спрашиваю я, заглядывая в комнату.

— Да, всё отлично, — отвечает муж, не отрываясь от экрана.

Я возвращаюсь на кухню и продолжаю заниматься своими делами. Время идёт, и я слышу, как муж встаёт с кресла, подходит ко мне и обнимает меня сзади.

— Спасибо за всё, — говорит он. — Такой спокойный вечер — это то, что нужно после тяжёлого дня.

— Всегда пожалуйста, — отвечаю я, улыбаясь.

Мы продолжаем проводить вечер вместе, наслаждаясь тишиной и уютом нашего дома.

Глава 3

Утро начинается с того, что я просыпаюсь отдохнувшая. Макар уже ушел на работу, не тревожа мой сон в выходной. На кухне остывает кофе, приготовленный им, и на столе ждет свежая выпечка. Я улыбаюсь предстоящему спокойному утру.

Встав с кровати, я прохожу на кухню. На столе замечаю букет цветов и записку: «С днём рождения, родная». Зарываюсь носом в красивый букет пионов, моих любимых цветов, и улыбаюсь, чувствуя себя счастливой.

Утро проходит быстро, меня заваливают поздравлениями друзья и родственники. Я отвечаю на звонки и сообщения, наслаждаясь теплом и вниманием близких.

После завтрака решаю приготовить обед для Макара и заскочить к нему на работу.

Это будет приятным сюрпризом для него.

Выхожу из дома. На улице светло и солнечно, весна в самом разгаре. Я подставляю лицо первому солнцу и представляю радость Макара, когда заеду к нему.

Подъезжаю к управлению МВД, красивое здание 18 века возвышается в своей красе. Нахожу на парковке свободное место и выхожу. Беру обед мужа и направляюсь в внутрь. На проходной сидит знакомый охранник, он приветливо со мной здоровается пропуская.

— Почему пропустил без пропуска? — резко раздаётся у меня за спиной грубым голосом, от которого мурашки проходят по спине.

Резко разворачиваюсь и вижу возле охранника просто огромного мужчину, подымаю глаза на лицо и застываю: господи, какой красивый мужчина, от него просто веет силой, что воздух сгущается.

— Здравья желаю, товарищ полковник, — вытягивается в струнку дежурный, — так это жена капитана Тарасова. — оправдывается он.

Я замерла, не зная, что ответить. Этот голос, этот взгляд, этот человек... Он явно не собирался меня пропускать. Я чувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

— Я просто принесла обед для мужа, — наконец выдавила я, стараясь говорить спокойно.

Полковник посмотрел на меня с прищуром, словно оценивая, стоит ли верить моим словам.

— Пройдете, — коротко сказал он и махнул рукой в сторону кабинета моего мужа.

Я растерялась, но отмерла и последовала за ним. Пока шли, я уловила запах его духов и пропустила момент, когда он резко остановился. Я, не ожидая, врезалась в его большую спину. Он обернулся, не сказал ни слова и открыл кабинет мужа, пропуская меня вперед.

Глава 4

Открывшаяся картина напомнила мне фильм ужасов вперемешку с порнофильмом.

На столе, задрав юбку и откинув голову назад, в расстёгнутой форменной рубашке сидела красивая молодая девушка, а мой муж со спущенными штанами вколачивался в нее с рыком:

— Боже, как же у тебя узко.

Девушка повернула голову и, встретившись со мной взглядом, резко оттолкнула моего мужа. Я же стояла открывала и закрывала рот, как выброшенная на сушу рыба.

Муж повернулся, заметив меня, стал поспешно натягивать штаны, и только смехок сзади заставил отойти от ступора.

— Ты... ты... как ты мог? — сорвался у меня голос.

Он подошел ко мне, схватив за плечи, встряхнул:

— Это не то, что ты думаешь. Я все объясню.

Я оттолкнула его:

— Что ты объяснишь, что трахал какую-то шлюху на своем столе? — срываюсь я.

— Я не шлюха, я его любимая женщина, — возмущается девица.

— Лиза, помолчи, — срывается мой муж.

— Почему я должна молчать, ты уже второй месяц обещаешь от нее уйти, я устала ждать, — напирала она на Макара.

— Уйти, — смотрю мужу в глаза.

Он отводит глаза, но потом резко поворачивается и с холодом в голосе произносит:

— А что ты хотела, я устал жить с куском льда, ты же только и бредишь своей больницей, днями и ночамитам пропадаешь, — выговаривает мне он.

Не могу поверить, что передо мной мой Макар, который с утра еще дарил цветы, сейчас я вижу другого человека.

— Товарищ капитан, потрудитесь объяснить, что здесь происходит. — резко раздается вопрос позади, что я вздрагиваю и смотрю, как лицо Макара медленно бледнеет.

— Товарищ подполковник, — произносит он заикаясь, — это не то, что вы подумали. Я могу все объяснить, — спешит заверить он его.

— Объяснишься, через два часа жду объяснительную по происшедшему здесь. И курсант Синичкина, вас это тоже касается. — смотрит хмуро полковник.

— Есть, — отзывается не добро любовница моего мужа.

Макар скривился, как будто у него заболели все зубы сразу, но выдавил из себя:

— Есть.

После Макара холодно посмотрел на меня с какой-то злобой проговорил:

— Иди, домой Надежда, вечером поговорим.— Нам не о чем разговаривать, домой можешь не приходить, все твои вещи я отправлю курьером к твоим родителям и можешь предупредить, что сегодня все отменяется.

Я плавно развернулась и направилась к выходу. Слезный поток застилал мне взор, но я стараюсь идти держа спину ровно. Я буду сильной, я выдержу.

Глава 5

Я вышла из здания управления, чувствуя, как внутри всё сжимается от обиды и злости. Прохладный весенний ветер хлестнул по лицу, заставив всхлипнуть, но я тут же сдержалась. Не здесь, не перед всеми этими людьми.

Садясь в машину, я несколько минут просто смотрела на руль, не в силах завести мотор. В голове крутилось одно и то же: «кусок льда». Значит, вот чем он оправдывает свою измену? Тем, что я спасаю жизни людей, пока он ищет разрядки с неокрепшими стажерами?

Слезы наконец хлынули из глаз, застилая обзор. Я всхлипнула, сжимаясь в комок за рулем, и вдруг почувствовала, что дверь машины открывается.

— Вы не в своем праве так уходить, — раздался знакомый низкий голос полковника.

Я подняла голову, стараясь скрыть покрасневшие глаза. Он стоял рядом, глядя на меня сверху вниз с непонятым выражением — то ли сочувствие, то ли раздражение. В его взгляде не было той жестокости, которую я увидела в глазах Макара минуту назад.

— Вам-то какое дело? — огрызнулась я, вытирая щеку тыльной стороной ладони.

Полковник молчал, глядя куда-то вдаль, а затем медленно произнес:

— Ваш муж — хороший офицер, но плохой человек. А женщины в нашем ведомстве слишком долго терпят то, что терпеть нельзя. Садитесь в машину и поезжайте домой, Надежда. Занимайтесь собой.

Он закрыл дверь машины с такой силой, что я вздрогнула. Наблюдая за его удаляющейся широкой спиной, я вдруг осознала странную вещь: этот незнакомый мужчина сейчас оказался ко мне добрее, чем собственный муж.

Заведя мотор, я медленно выехала с парковки, не в силах заставить себя взглянуть в сторону здания управления. Внутри всё дрожало от обиды, а в ушах всё еще звучал его голос: «кусок льда». Я сжала руль так, что побелели пальцы, и резко нажала на газ, вылетая на дорогу.

Весь путь до дома я просидела в оглушительном молчании, глядя сквозь лобовое стекло на размытые огни города. Мысли путались. Боль от измены смешивалась с горечью осознания того, насколько мало я знала о жизни своего мужа в последнее время. Оказывается, даже его «новая работа» была лишь ширмой для личных развлечений.

Глава 6

Войдя в квартиру, я первым делом отправилась в спальню. Букет пионов всё ещё стоял в вазе, наполняя комнату своим сладким ароматом, который теперь казался мне удушающим. Схватив вазу, я одним резким движением выплеснула воду в раковину и выбросила цветы в мусорное ведро, не заботясь о том, что лепестки рассыпались по полу.

Затем я открыла шкаф и начала лихорадочно собирать его вещи. Постепенно гнев сменился ледяным спокойствием; я действовала механически, складывая его рубашки и футболки в чемодан, который обычно лежал в самом дальнем углу гардеробной.

В этот момент раздался звонок. На экране высветилось имя Макара. Я смотрела на мигающий телефон, чувствуя, как внутри поднимается новая волна раздражения. Наконец я нажала кнопку приема, но ничего не сказала — просто слушала его дыхание на другом конце провода.

— Надя, не молчи, — глухо произнес он. — Давай обсудим всё спокойно, без истерик.

— Обсуждать уже нечего, — отрезала я, застегивая молнию чемодана с таким грохотом, что он слышал. — Вещи будут у твоих родителей сегодня к вечеру. Ты ведь сам сказал — нам больше не о чем разговаривать.

— Ты с ума сошла? — в его голосе послышалось недоумение, смешанное с раздражением. — Это была минутная слабость, ничего серьезного. Ты не можешь просто так вышвырнуть меня из дома из-за одной ошибки.

— Ошибки? — я горько усмехнулась, глядя на закрытый чемодан. — Макар, ты не ошибся, когда спал с ней на рабочем столе. Ты сделал выбор. Ты решил, что я «кусочек льда» и этого достаточно, чтобы искать тепло на стороне.

— Я не говорил, что ты такая, я сказал, что чувствую себя так с тобой рядом.

— Значит, теперь ты чувствуешь себя свободно. Можешь идти к ней, быть с ней, быть тем, кем хочешь. Только не здесь.

Положив трубку, я с облегчением выдохнула. Тишина квартиры, которая еще утром казалась уютной, теперь ощущалась гнетущей и чужой. Я прошла в гостиную и села на диван, обхватив колени руками. В голове всё ещё всплывал образ того строгого подполковника с его странными словами о женщинах нашего ведомства.

Странно было осознавать, что именно он стал тем человеком, который заставил меня окончательно принять решение. Его взгляд — холодный, но пронзительный — будто сдирает с меня кожу, обнажая всю боль и бессилие. Он видел всё: и измену мужа, и моё унижение, и то, как я пыталась сохранить лицо.

Глава 7

В дверь позвонили. Я вздрогнула и с опаской посмотрела на монитор домофона. На лестничной площадке стояла моя свекровь с огромным пакетом продуктов в руках и широкой улыбкой на лице. Она приехала заранее, чтобы помочь мне с праздничным ужином.

— Надежда! — весело затараторила она в динамик. — Открывай скорее! Я тут пирогов напекла, ещё горячие. А Макару купила тот дорогой коньяк, который он любит.

Я медленно нажала кнопку открытия двери, чувствуя, как внутри всё переворачивается от мысли о том, что сейчас мне придется лгать ей или вывалить всю правду прямо в лицо.

Я открыла дверь, стараясь сделать лицо максимально беспристрастным. Свекровь, не дожидаясь приглашения, вплыла в прихожую, обдавая меня запахом ванили и дорогих духов.

— Что-то ты какая-то бледная, деточка, — Лариса Петровна подозрительно прищурилась, ставя пакеты на пол. — Опять перетрудилась в своей больнице? Нельзя же так убиваться из-за работы, ты молодая женщина, тебе о семье думать надо.

— Всё в порядке, — сухо ответила я, закрывая за ней дверь. — Просто устала.

— Ох уж эта ваша медицина! — она прошла на кухню, по-хозяйски распаковывая продукты. — Макар мне звонил, сказал, что сегодня задержится. Снова этот новый начальник... Ты же знаешь, какой мой сын ответственный, если дело касается службы.

Я молча смотрела на её суетливые движения, на то, как она расставляет банки с консервами и пакеты с деликатесами. В груди клокотала глухая ярость: эта женщина всегда защищала сына, оправдывала любые его причуды и промахи, считая их следствием тяжёлого труда. Сейчас она даже не подозревала, что её «ответственный» сын превратил свой кабинет в спальню.

— Ты чего молчишь? — Лариса Петровна обернулась ко мне с наигранным беспокойством. — Что-то не так?

— Ваш сын изменяет мне, — спокойно произнесла я, глядя ей прямо в глаза.

Свекровь замерла с открытой пачкой масла в руках. Её лицо на мгновение окаменело, а затем она медленно положила продукты на стол и сложила руки на груди.

— Надежда, не говори глупостей. Макар очень преданный муж. Откуда у тебя такие мысли?

— Я видела его с этой девочкой в его кабинете. Лично видела.

Лариса Петровна вздохнула и с каким-то странным выражением лица — смесью сожаления и покровительства — покачала головой.

— Все мужчины совершают ошибки, когда они молоды и находятся под таким давлением... Тебе бы больше внимания ему уделять, а не только пациентам своим. Женщина должна быть тылом для мужа, а не холодным инструментом с дипломом врача.

— Я не собираюсь быть тылом для человека, который предал моё доверие, — ответила я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — И дело здесь не в моем внимании, а в его ответственности.

Свекровь смирila меня строгим взглядом, её губы сжались в тонкую линию. Она явно была недовольна моим тоном.

— Вот видишь, — заметила она, возвращаясь к распаковыванию пакетов. — Опять эта твоя холодность. Если бы ты умела быть мягче, Макару бы не пришлось искать утешения на стороне. Ты слишком сосредоточена на своей карьере, Надежда. Вспомни, как он иронизировал над твоими затяжными сменами.

— Защищать его — это одно, но оправдывать его предательство — другое, — я развернулась и вышла из кухни, чтобы не сорваться на крик.

Глава 8

Оказавшись в спальне, я снова посмотрела на собранный чемодан. Внутри меня боролись две противоположные силы: желание всё вернуть назад и неистовое стремление вышвырнуть Макара из своей жизни навсегда.

В этот момент телефон в кармане завибрировал. Пришло сообщение от того самого подполковника: «Надежда, не принимайте поспешных решений. В четыре часа дня заходите ко мне в кабинет. Обсудим ваше будущее».

Я замерла, глядя на экран. Что он имел в виду? И зачем ему, высокопоставленному офицеру, приглашать меня на личный разговор?

Я перечитала сообщение несколько раз, пытаясь понять его истинный смысл. Помощь или предупреждение? А может, он знал о Макаре гораздо больше, чем просто факт измены в рабочее время.

Выйдя из спальни, я столкнулась с Ларисой Петровной, которая уже вовсю гремела кастрюлями на кухне.

— Куда ты собралась? — удивилась она, глядя на мою одежду. — Мы же должны готовить ужин в честь дня рождения!

— Мне нужно в управление, — коротко ответила я, натягивая пальто. — Пожалуйста, не ждите нас. И не ждите Макара.

Свекровь застыла с половником в руке, глядя на меня с нескрываемым возмущением.

— Ты не можешь так поступить! Это позор на всю семью. Вернись и прими всё как есть, или ты вообще хочешь разрушить наш брак?

— Брак уже разрушен, — сказала я, открывая входную дверь. — Просто вы этого ещё не осознали.

Выйдя в подъезд, я спустилась вниз и быстро пошла к машине. Воздух был наполнен запахом цветущих деревьев, но мне было не до этого. В голове крутились слова подполковника о «женщинах нашего ведомства» и его странный призыв обсудить моё будущее.

Снова оказавшись в управлении, я прошла мимо знакомого охранника, который теперь смотрел на меня с явным сочувствием. Поднявшись на второй этаж, я остановилась перед массивной дубовой дверью с табличкой «Подполковник Валерий Громов». Сердце забило быстрее, когда я нажала на ручку и вошла внутрь.

Громов сидел за столом, изучая какие-то бумаги. Услышав стук, он поднял голову и внимательно посмотрел на меня своими холодными серыми глазами.

— Проходите, Надежда. Присаживайтесь.

Я села напротив него, стараясь держаться прямо и сохранять спокойствие, хотя руки мелко дрожали.

— Для чего вы меня вызвали? — спросила я.

Он отложил бумаги в сторону и сложил пальцы в замок, глядя на меня проницательно и серьёзно.

— Ваш муж — талантливый оперативник, но он совершил глупость, которую не прощает ни закон, ни мораль. И я здесь не для того, чтобы его оправдывать. Я здесь для того, чтобы предложить вам альтернативу.

— Какую альтернативу? — я смутно понимала, к чему он клонит. — Вы хотите перевести его в другой отдел или предложить мне развод?

Громов слегка наклонился вперед, и я почувствовала исходящую от него ауру власти, смешанную с какой-то странной, почти отеческой заботой.

— Я хочу предложить вам шанс взглянуть на ситуацию иначе. Макар не просто совершил ошибку — он проявил слабость, потому что перестал видеть в вас женщину. Он видит в вас только врача, коллегу, часть своей рутины. Но я вижу вас совсем другой.

Я замерла, не зная, что ответить на этот неожиданный комплимент. В его голосе не было ухаживания, только сухая констатация факта, от которой по коже пробежал холод.

— Вы предлагаете мне стать его новой любовницей? — горько усмехнулась я.

— Нет, — Громов встал и подошел к окну, глядя вниз на суетящийся город. — Я предлагаю вам вспомнить, что вы имеете право быть счастливой вне зависимости от того, кем является ваш муж. Макар будет наказан по всей строгости устава за нарушение дисциплины. Но ваши отношения — это ваше личное дело. Однако если вы решите закончить этот брак, вам понадобится поддержка, которую ваш муж вам больше дать не сможет.

Он обернулся, и в его взгляде мелькнуло нечто, похожее на вызов.

— Я знаю, что сейчас вы чувствуете себя преданной и одинокой. Но иногда разрушение всего привычного — это единственный способ построить что-то действительно ценное.

Глава 9

Я молчала, пытаюсь осознать услышанное. Этот человек, который только что буквально выставил моего мужа из кабинета, теперь предлагал мне — женщине с разбитым сердцем — некоего рода защиту. Или что-то большее?

— Что вы имеете в виду под поддержкой? — тихо спросила я, разглядывая его высокую, непоколебимую фигуру.

Громов подошел ближе, сокращая расстояние между нами, и я невольно затаила дыхание. Он был слишком близко, и теперь я чувствовала не только запах его парфюма, но и исходящий от него жар.

— В нашем мире выживают сильнейшие, Надежда. Вы сильная женщина, но даже сильным иногда нужно место, где можно быть слабой. Где вас не будут судить за вашу работу или за то, что вы недостаточно «женственны» для своего супруга.

Он сделал паузу, внимательно изучая мою реакцию.

— Я не предлагаю вам утешения. Я предлагаю вам союз. Взаимную выгоду, основанную на уважении и понимании. Если вы решите уйти от Макара, вам будет трудно — и финансово, и морально. Я готов взять часть этих забот на себя.

— Вы предлагаете мне содержаться вами? — я почувствовала, как гнев возвращается, смешиваясь с недоумением. — Я врач, я сама зарабатываю на жизнь!

— Я предлагаю вам свободу быть собой, — его голос стал еще глубже и спокойнее. — Без оглядки на чужие ожидания и без необходимости оправдываться за каждую минуту своего времени.

Я молчала, глядя в его серые глаза, в которых вспыхнула искра интереса — не к моей внешности или статусу жены капитана, а к самой моей личности. Это было странно и пугающе одновременно: незнакомый мужчина видел меня лучше, чем человек, с которым я делила постель последние несколько лет.

— Почему вы мне помогаете? — наконец спросила я.

Громов едва заметно улыбнулся, и эта полуулыбка изменила всё его лицо, сделав его почти человеческим.

— Потому что мне не нравится видеть, как хороший специалист тратит свои силы на обслуживание чужих заблуждений. И потому что вы мне интересны.

Я отшатнулась, смущенно разглядывая кончики своих пальцев. В кабинете повисла густая, почти осязаемая тишина, в которой слышалось только мерное тиканье настенных часов. Слова полковника эхом отдавались в голове, вызывая странный внутренний резонанс — смесь страха и неожиданного облегчения.

— Вы предлагаете мне... сделку? — тихо спросила я, поднимая на него взгляд.

Громов медленно кивнул, его лицо снова стало непроницаемым.

— Считайте это инвестицией в ваше будущее. Вы больше не должны быть заложницей чужих прихотей или семейных традиций. Если вы согласитесь, я обеспечу вам защиту и поддержку в любой ситуации, включая развод с Макаром.

Я почувствовала, как внутри меня что-то надломилось. Весь гнев, который я копила последние часы, внезапно сменился опустошением. Я больше не была той уверенной в себе женщиной, которая сжигала мосты и вышвыривала вещи из квартиры.

— А что взамен? — я с трудом сглотнула, глядя на него снизу вверх. — Вы же ничего не делаете просто так.

Подполковник сделал шаг назад, давая мне пространство, но продолжая рассматривать меня с тем же пронзительным вниманием.

— Ваша лояльность. Ваша готовность идти за мной, когда я этого попрошу. И ваше обещание никогда больше не позволять мужчине убеждать вас в том, что вы «кусочек льда».

Я молчала, переваривая его слова. В этот момент дверь кабинета приоткрылась, и в щель заглянул побледневший Макар. Его глаза забежали по комнате, пока он не встретился со мной взглядом.

— Надя... можно войти? — его голос дрожал, и он выглядел так жалко, что мне стало почти смешно. — Громов вызвал меня к себе, но я...

Полковник перебил его ледяным тоном:

— Капитан Тарасов, ваш разговор с женой окончен. Вы свободны. Идите писать объяснительную, как я и требовал.

Макар сглотнул, перевел взгляд на меня, словно надеялся на помощь или заступничество. Но я лишь спокойно встала со стула и направилась к выходу. Проходя мимо мужа, я даже не посмотрела в его сторону; всё мое внимание теперь было сосредоточено на человеке, который стоял за моей спиной и наблюдал за каждым моим движением.

Я вышла из кабинета, оставив Макара стоять в полном одиночестве посреди комнаты. В коридоре было пусто, и я быстро зашагала к лифту, чувствуя, как в груди растет странное, непривычное возбуждение.

Встретившись с собой в зеркале лифта, я увидела женщину с красными от слез глазами, но с решительным, жестким взглядом. Я больше не была той Надей, которая пыталась спасти брак любой ценой. Слова Громова действовали на меня как холодный душ, смыв остатки иллюзий.

«Инвестиция в будущее», — повторила я про себя, и уголки моих губ невольно дрогнули.

Спустившись на первый этаж, я вышла на улицу и глубоко вдохнула влажный весенний воздух. Теперь всё казалось иным: привычные здания управления, спешащие мимо люди — всё это больше не имело значения. Была только одна правда: я больше никогда не позволю себе быть «тылом» для кого-то, кто не ценит меня.

Вспомнив о свекрови и её пирогах, я сдавленно усмехнулась. Мысли о доме вызвали лишь глухое раздражение; мне хотелось быть как можно дальше от кухни, семейных разборок и запаха ванили.

Достав телефон, я набрала номер знакомого риелтора.

— Здравствуйте, Игорь. Мне нужна квартира. Небольшая, но в центре, чтобы удобно было добираться до клиники. И чтобы ключи были у меня сегодня вечером.

Вешая трубку, я почувствовала странную легкость. Моя жизнь превращалась в руины, но впервые за долгое время я ощущала, что эти руины станут фундаментом чего-то нового. И теперь у меня был союзник, который знал цену силе и достоинству.

Глава 10 Громов

Получив повышение и перевод в северную столицу нашей родины, Валерий задумался. Его перевод в главное отделение МВД в Санкт-Петербурге не был случайностью или наградой за былые заслуги. Это была карательная командировка, завуалированная под повышение. В Москве ему больше не оставили места после того скандального инцидента с прокурором, и теперь ему предстояло доказывать свою профпригодность там — в городе, который казался ему чужим и враждебным с первой секунды.

Прибыв в город, он сразу направился в отдел, чтоб застать уже бывшего начальника, который с сегодняшнего дня уходил на пенсию.

Лицо начальника МВД северной столицы было озадачено. Он считал, что таким назначением мне поставили точку в карьере, превратив меня в бессильного бюрократа. Но их ошибка была фатальной, так как я привык работать в условиях изоляции и давления; и знал, как превращать безнадёгу в инструмент войны.

Проводив бывшего начальника, Громов спустился по ступеням, тяжело ступая по каменным плитам. Оглядевшись, он сразу почувствовал этот специфический запах запущенности: смесь старой бумаги, дешёвого табака и безнадёжности. Коридоры отдела встретили его гнетущей тишиной, которую изредка прерывал лишь звук работающего принтера или приглушённый голос из открытой двери какого-нибудь кабинета.

Он остановился у первой же двери, на которой висела криво прибитая табличка.

"Капитан Макар Тарасов"

Открыв дверь, он увидел капитана, развалившегося в кресле, лениво листал журнал, полностью игнорируя звонящий телефон.

Валерий сжал кулаки, ощущая, как внутри закипает привычное раздражение. Здесь был не просто беспорядок в документах — здесь царил разброд в головах. Дисциплина отсутствовала как класс, а структура подчинения превратилась в формальность, которую никто не соблюдал.

— Капитан Тарасов? — его голос прозвучал резко и сухо.

Капитан, что сидел в кресле, с трудом сфокусировал взгляд на новом начальнике. В воздухе повисло тяжёлое молчание. Громов понимал, что первые дни здесь станут настоящим испытанием: ему предстояло выжигать эту апатию калёным железом, прежде чем отдел снова станет функционировать нормально.

— Так точно, — неохотно выдавил тот, медленно поднимаясь на ноги. — А вы, значит, наш новый начальник?

Громов не ответил. Он обвёл взглядом кабинет: захламлённые шкафы, где горы папок, перетянутых резинками, старый кофейный аппарат, из которого по всему коридору тянулся приторный запах дешёвого растворимого кофе. Всё здесь буквально кричало о застойности.

— Пройдите в мой кабинет, капитан, — коротко бросил полковник, не дожидаясь согласия.

Тарасов побрёл вперёд, ссутулившись и шаркая подошвами. Громов следовал за ним, изучая подчинённых, которые тут же уткнулись в мониторы или документы, стараясь стать невидимыми. В отделе каждый знал правила игры: если не поднимать голову, тебя не заметят.

Когда дверь кабинета захлопнулась за ними, Валерий первым делом подошёл к окну. Вид на серый петербургский пейзаж с его бесконечными крышами и влажным воздухом обычно успокаивал его, но сейчас даже это не помогало.

— Мы тут все привыкли работать в своём ритме, — пробормотал Тарасов, заискивающе глядя на нового начальника. — Тут специфика такая, понимаете... Город другой, люди другие.

Громов резко развернулся к нему.

— Ваша специфика превратила управление отделом в кружок любителей посидеть. С этого момента всё меняется. Соберите всех в конференц-зале.

— Соберите всех в зале через десять минут, — повторил он спокойным, но не терпящим возражений тоном. — И передайте остальным: время праздности закончилось.

Капитан открыл было рот, чтобы что-то возразить, но, встретившись с холодным, стальным взглядом полковника, моментально передумал. Молча кивнув, он поспешно вышел из кабинета, оставив Громова наедине с тишиной и запахом старой бумаги.

Капитан, всё ещё пребывая в легком шоке от напора нового начальника, быстро кивнул и почти выбежал из кабинета. Громов остался один. Он подошёл к окну и взглянул вниз, на серую улицу, где прохожие спешили по своим делам под проливным дождём.

«Что ж, — подумал он с горькой усмешкой. — Посмотрим, кто из нас сломается первым».

Громов вышел на крыльцо, и в лицо ему ударил влажный, пропитанный солью и копотью петербургский ветер. Он жадно вдохнул холодный воздух, стараясь унять клокочущую внутри ярость. В Москве за такие развалины, какие он только что увидел, людей отправляли под трибунал, а здесь — поощряли. Повышение? Скорее, изысканная форма ссылки, чтобы он исчез с глаз и перестал создавать проблемы там, где привыкли к удобному застою.

Он достал пачку сигарет, чиркнул зажигалкой и затянулся, глядя на бесконечную череду серых зданий, сливающихся с низким небом. Здесь всё казалось застывшим в одном времени — времени безнадёги и мелких интриг. Полковник понимал, что его ждёт война. Не с преступностью, с которой этот отдел давно перестал бороться, а с теми, кто носил форму и сидел в уютных кабинетах, обросший связями и равнодушием.

Где-то в глубине здания хлопнула дверь — видимо, Тарасов собирал своих людей в конференц-зале. Громов медленно выпустил струю дыма и раздавил окурок носком сапога. Он чувствовал себя чужаком в этом городе, но именно это давало ему преимущество. Ему нечего было терять, не с кем здесь было считаться, и никаких иллюзий относительно «традиций» северной столицы у него не осталось.

Оставив сигаретный бычок на асфальте, он направился обратно в здание. Сзади слышался шум проезжающих машин и отдалённые крики чаек. Впереди ждал зал, полный людей, которые даже не подозревали, что их привычный мир только что перестал существовать. Громов толкнул тяжёлую дверь и вошёл внутрь, ощущая, как во всём теле напрягается каждая мышца. Время разговоров закончилось.

Он не собирался идти на компромиссы. В северной столице его ждал не только административный хаос, но и люди, привыкшие работать спустя рукава. Но именно такие условия всегда вдохновляли его больше всего — когда вокруг руины, всегда есть шанс построить что-то действительно крепкое.

В конференц-зале царила гнетущая тишина. Присутствующие, все в форме, сидели за длинным столом, их взгляды были устремлены на нового начальника, полковника Громова. Он стоял перед ними, высокий, с военной выправкой, и его присутствие само по себе было вызовом.

Громов оглядел собравшихся. Здесь были и те, кто привык к стабильности и медленным изменениям, и те, кто, возможно, уже чувствовал надвигающиеся перемены. Он знал, что ему предстоит не просто реформировать отдел, но и сломать сложившуюся систему, где дисциплина и эффективность были заменены безразличием и формальностью.

— Товарищи, — начал он, его голос звучал ровно, но с ощутимой долей металла. — Я прибыл сюда не для того, чтобы выслушивать ваши оправдания или слушать о том, как сложно работать в этом городе. Я здесь для того, чтобы изменить ситуацию. И я не собираюсь ждать, пока вы сами решите, что пора что-то менять.

Он сделал паузу, давая им возможность осознать сказанное. Затем продолжил:

— С этого момента каждый из вас будет нести ответственность за свою работу. Если кто-то не готов к этому, пусть лучше сразу скажет об этом. Я не потерплю лени и бездействия.

В зале повисло напряженное молчание. Громов видел, как некоторые из присутствующих переглянулись, явно не ожидая такого начала. Но он не собирался давать им время на размышления.

— Начнём с простого. Я хочу, чтобы каждый из вас составил план по улучшению своей работы и работы всего отдела. Срок — до завтра. Если у кого-то есть предложения по улучшению структуры или перераспределению обязанностей, пусть также изложит их в письменной форме.

Он заметил, как несколько человек начали перешептываться, но быстро замолчали, когда Громов бросил на них суровый взгляд.

— Вопросы? — спросил он, глядя прямо перед собой.

Молчание.

— Отлично. Тогда до завтра. Все свободны.

Он развернулся и направился к выходу, оставив их в задумчивости. В зале снова воцарилась тишина, но теперь она была наполнена напряжением и ожиданием. Громов знал, что его слова прозвучали как гром среди ясного неба, и это было только начало.

Выйдя из конференц-зала, он глубоко вдохнул свежий воздух, пытаясь унять бурю эмоций внутри. Впереди его ждали долгие и трудные дни, но он был готов к этому. В конце концов, именно такие вызовы делали его тем, кем он был.

Громов знал, что его ждет не только административный хаос, но и люди, привыкшие работать спустя рукава. Но именно такие условия всегда вдохновляли его больше всего — когда вокруг руины, всегда есть шанс построить что-то действительно крепкое.

Глава 11 Громов

За три дня работы я удивлялся, насколько запущена обстановка в отделе.

Спустился к проходной, чтобы забрать документы из машины, и тут же наткнулся на женщину — хрупкая, с растрёпанными от ветра волосами, сжимавшая в руках пластиковый контейнер с обедом. Рядом с ней заискивающе улыбался дежурный охранник, который, заметив полковника, тут же вытянулся в струну и побледнел.

— Почему пропустил без пропуска? — Громов резко остановился, и его голос, привыкший к приказам, заставил даже женщину вздрогнуть.

Она развернулась, и Громов замолк, невольно рассматривая её. Огромные глаза карего цвета, изящная фигура и взгляд человека, который знает себе цену. Воздух вокруг них словно сгустился; полковник почувствовал, как внутри что-то отозвалось на этот встречный взгляд — не привычное раздражение, а странное, неожиданное любопытство.

— Товарищ полковник, — так это жена капитана Тарасова. — проговорил дежурный, но от моего взгляда умолк.

— Дежурный, — бросил он охраннику, не сводя глаз с женщины. — В следующий раз забудьте о личных симпатиях. Пропуск — это закон.

Охранник что-то пробормотал, пятясь назад. Девушка застыла, явно ожидая от него каких-то действий.

Женщина подняла голову выше, встречаясь с ним взглядом. В этот момент Громов понял: эта женщина здесь чужая так же сильно, как и он сам. И это сходство заставило его на мгновение забыть о дисциплине и уставе.

— Я просто принесла обед для мужа, — наконец выдавила она, стараясь говорить спокойно.

В её взгляде он увидел не только смущение, но и глубокую, затаённую усталость, которая была ему слишком знакома. Впечатление было странным: хрупкая женщина, едва достающая ему до плеча, казалась сейчас единственным живым существом в этом сером здании.

— Пройдёмте, — коротко сказал он и махнул рукой в сторону кабинета её мужа.

Она на мгновение растерялась, что не укрылось от его взгляда, но, повинувшись его властному жесту, последовала за ним. Он шёл вперёд, не оборачиваясь, но кожей ощущал её присутствие сзади. Случайно он уловил тонкий аромат её духов — лёгкий, едва заметный запах чего-то цветочного и домашнего, который на мгновение заглушил привычный запах старой бумаги и дешёвого табака.

Когда он резко остановился перед дверью с табличкой «Капитан Марат Тарасов». Она невольно врезалась в его широкую спину; Громов почувствовал её лёгкий толчок и обернулся. Между ними оставалось всего несколько сантиметров.

Он не произнёс ни слова, лишь молча открыл дверь и жестом пригласил её войти первой.

Громов вошёл вслед за ней. Картина, представшая перед ним, заставила его замереть на месте. На столе, среди разбросанных бумаг и пустых стаканов, сидела молодая девушка, если он не ошибался, одна из стажёрок, задрав юбку и откинув голову назад. Её пальцы судорожно сжимали края стола, а лицо было искажено от возбуждения и напряжения.

Марат, его подчинённый, стоял к нему спиной, тяжело дыша и вколачиваясь в девушку с какой-то животной яростью. Его рык — грубый, переполненный жадностью — эхом раздался в тесном кабинете, смешиваясь со звуком шуршащих бумаг и глухим стуком мебели о стену.

— Боже, как же у тебя узко, — прохрипел Тарасов, не замечая их.

И тут девушка заметила их, стремительно оттолкнула от себя Марата и начала поправлять на себе одежду.

— Ты... ты... как ты мог? — голос его жены сорвался на высокий, надрывный крик.

Тарасов быстро натянул штаны, не глядя на жену. В его взгляде не было раскаяния — только раздражение от того, что момент был испорчен. Он подошёл к ней, грубо схватил за плечи и тряхнул, заставляя смотреть на него.

— Это не то, что ты думаешь, — процедил он сквозь зубы. — Я всё объясню позже.

— Что ты объяснишь? Что трахал какую-то шлюху прямо на рабочем столе? — девушка вырвалась из его рук, пятась к двери. Её лицо исказилось от гнева и обиды.

— Я не шлюха! — раздался сзади резкий женский голос. Девушка у стола поднялась, поправляя бельё и глядя на жену Макара с вызовом. — Я его любимая женщина.

Громов молча наблюдал за этой сценой, чувствуя, как в груди закипает холодное бешенство. Он видел унижение женщины. Это было даже хуже, чем беспорядок в документах — это была полная деградация личности.

— Товарищ капитан, потрудитесь объяснить, что здесь происходит, — коротко бросил Громов, глядя на любовницу.

Марат заикнулся, не зная, с чего начать, и весь его самоуверенный вид мгновенно рассыпался. Он переводил взгляд с разгневанной жены на сурового полковника, и Громов видел, как по спине капитана пробежала дрожь. Весь этот цирк, разыгранный прямо в кабинете, теперь казался жалким и нелепым.

— Товарищ подполковник, — выдавил Тарасов, пытаясь вернуть лицу привычное выражение спокойствия. — Это не то, что вы подумали. Я могу все объяснить.

Громов перебил его, не давая шанса на оправдания. Он видел достаточно: дрожащие руки Надежды, её застывшие в бессилии губы и вызывающую позу курсантки, которая всё ещё пыталась казаться победительницей. В этом кабинете он чувствовал запах предательства и грязи, который не мог перебить даже её парфюм.

— Объяснишься через два часа. Жду объяснительную по происшедшему здесь. И курсант Синичкина, вас это тоже касается.

Он смерил девушку взглядом, от которого та моментально, потеряв весь свой боевой запал.

— Есть, — отрывисто ответила она.

Марат сжал кулаки, его лицо потемнело от ярости и бессилия.

— Есть, — глухо повторил капитан, сдаваясь.

— Иди домой, Надежда, — холодно бросил Марат, даже не глядя на неё. — Вечером поговорим.

Громов молча наблюдал за тем, как женщина развернулась и направилась к двери. Она шла прямо, высоко подняв голову, но он видел, как дрожат её пальцы и как блещут слезы в уголках глаз. Полковник почувствовал странный укол в груди — не сочувствие, нет, скорее уважение к её достоинству в этой позорной ситуации.

Громов вышел из здания вслед за ней, не оборачиваясь на оставшихся в кабинете. Петербург обдал его сыростью и холодом, но он не спешил возвращаться в тепло. Девушка шла впереди, её плечи вздрагивали, а шаги становились всё быстрее, словно она пыталась убежать от самой себя.

Он догнал её у самой парковки, когда она с силой захлопнула дверь машины. Сквозь стекло было видно, как она сжимается в комок за рулем, пытаясь скрыть лицо в ладонях. Громов остановился, глядя на неё сверху вниз. В её облике больше не было той выверенной грации, которую он заметил в коридоре; осталась только голая боль и бессилие.

— Вы не в своем праве так уходить, — сказал он, открыв водительскую дверь и заглядывая внутрь.

Надежда подняла голову, глядя на него через пелену слез. В её взгляде читался немой вопрос и одновременно — глухое раздражение. Громов почувствовал, как внутри него что-

то изменилось; привычная жесткость сменилась странным, почти забытым чувством сопереживания.

— Вам-то какое дело? — огрызнулась она, вытирая щеку тыльной стороной ладони. Голос её дрожал, но она отчаянно пыталась сохранить остатки самообладания.

Громов молчал, глядя куда-то вдаль. В его голове всплыли все те картины из прошлого, которые он привык запира́ть на замок. Сейчас всё казалось слишком знакомым: этот запах старой мебели, эта безнадёжность в глазах женщины и трусость мужчины, который предал близкого человека ради мимолетного увлечения.

— Ваш муж — хороший офицер, но плохой человек, — медленно произнес он. — А женщины в нашем ведомстве слишком долго терпят то, что терпеть нельзя. Поезжайте домой, Надежда. Занимайтесь собой.

Он закрыл дверь с силой, которая заставила её вздрогнуть. Отойдя на несколько шагов, Громов засунул руки в карманы пальто и остался стоять на месте, глядя вслед уезжающему автомобилю. Теперь он знал точно: с этим отделом ему предстоит работать гораздо дольше и жестче, чем он рассчитывал изначально.

Полковник продолжал стоять смотря вслед автомобилю. Громов сжал челюсти; он еще не знал её имени полностью и не понимал деталей её жизни, но одно чувствовал отчетливо: этот город только что перестал казаться ему таким уж серым и скучным.

Громов дождался, пока автомобиль скроется из виду, после чего достал мобильный телефон. Быстрым движением он набрал номер своего старого знакомого из столичного управления, который за годы службы накопил связи во всех структурах, включая реестры медицинских работников.

Громов дождался, пока автомобиль скроется из виду, после чего достал мобильный телефон. Быстрым движением он набрал номер своего старого знакомого из столичного управления, который за годы службы накопил связи во всех структурах, включая реестры медицинских работников.

— Привет, Феликс, — сухо произнес полковник, прижимая трубку к уху. — Мне нужна информация по одному человеку. Женщина, фамилия Тарасова. Поищи в базе медработников Санкт-Петербурга.

На другом конце провода послышалось бормотание и шорох бумаг. Феликс, привыкший к странным запросам знакомого, не стал задавать лишних вопросов.

— Секунду... Да, есть такая. Надежда Тарасова. Слушай, Валерий, ты уверен, что хочешь в это ввязываться? Она из тех, кто не просто лечит людей, а буквально живет этим.

— Что ты имеешь в виду? — Громов нахмурился, прислушиваясь к информативному тону собеседника.

— Она ведущий хирург в госпитале МВД, специалист высшей категории. Хирургия — её стихия.

Громов сбросил вызов и задумчиво потер подбородок. Хирург. Теперь её бледность и сосредоточенность обрели смысл — это была усталость человека, который каждый день сражается со смертью на операционном столе. И всё же Марат Тарасов умудрился превратить её жизнь в руины.

Глава 12

Пока заводила машину, всё ещё слышала в ушах голос Валерия Громова. Его слова о «сделке» и «лояльности» казались мне безумными, но в то же время единственно правильными в этом хаосе. Я знала, что он не просто предложил помощь — он предложил мне власть над собственной жизнью, которой я была лишена все эти годы, пытаюсь соответствовать образу идеальной жены.

Сейчас мне было важно привести мысли в порядок и понять, на что именно я готова пойти ради этой свободы. Громов видел во мне силу, которую я сама пыталась подавить ради спокойствия в семье. Он не хотел меня утешать — он хотел использовать эту силу в своих целях, и это было самым честным предложением из всех, что я слышала за последние годы.

Когда я доехала до офиса риелтора, солнце уже начало клониться к закату, окрашивая город в кроваво-красные тона. Игорь встретил меня с таким выражением лица, будто я совершила преступление или сошла с ума.

— Надежда, вы уверены? — он недоверчиво рассматривал мои документы.

— Просто дайте мне ключи, Игорь, — перебила я его, выкладывая на стол деньги за первый месяц и депозит. — И пожалуйста, не задавайте лишних вопросов.

Забирая ключи, я почувствовала странное предвкушение. Это было похоже на прыжок в бездну: страшно, захватывающе и абсолютно неизбежно. Я вернулась к машине, открыла дверь и вдруг поняла, что больше не хочу возвращаться домой.

В этот момент телефон снова завибрировал. На этот раз сообщение пришло от Макара: «Надя, я жду тебя дома. Давай поговорим нормально. Пожалуйста».

Я удалила сообщение и нажала кнопку зажигания. Мой путь лежал к новой квартире — в ту неизвестность, которую Громов назвал «инвестицией в будущее». И впервые за долгое время я чувствовала себя по-настоящему живой.

В новую квартиру я заехала в сумерках. Коридоры старого дома встретили меня запахом пыли и чужого прошлого, но когда я повернула ключ в замке и переступила порог, тяжесть, давившая на плечи весь день, внезапно исчезла. В пустых комнатах было тихо и прохладно, и эта пустота казалась мне сейчас самым дорогим подарком, который можно было представить.

Я бросила сумку на пол и устало опустилась на подоконник, глядя на огни вечернего города. Телефон в кармане снова ожил — на этот раз звонила Лариса Петровна. Я сбросила вызов, не в силах выслушивать её праведный гнев по поводу «разрушенного очага».

Через десять минут на экране возникло новое сообщение. Это был Громов. «Жду вашего ответа до завтрашнего утра. Нам предстоит обсудить детали вашего нового статуса».

Я долго смотрела на текст, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. Он не спрашивал, всё ли у меня в порядке, не сочувствовал моей потере. Его интересовала только моя готовность вступить в этот странный союз. И именно это притягивало меня больше всего — его прямота, лишенная фальшивой заботы.

С трудом сосредоточившись, я набрала короткий ответ: «Завтра в четыре я буду в вашем кабинете».

Отложив телефон, я прислонилась лбом к холодному стеклу окна. Внизу по улице спешили люди, возвращались домой к семьям, к привычному уюту и обману. А я стояла в чужой квартире с чужими ключами в кармане и понимала, что назад дороги нет. Я больше не была частью того мира, который когда-то считала своим. Теперь я принадлежала только себе... и, возможно, человеку с холодными серыми глазами, который разглядел во мне то, чего не замечал собственный муж.

Глава 13

Сон не шел. Надежда лежала на голом диване в полутемной гостиной, вслушиваясь в гулкое эхо чужого дома. Мысли, которые она пыталась заглушить весь вечер, теперь с силой обрушились на нее, заполняя пространство вокруг.

Вдруг раздался звонок с незнакомого номера. Надежда вздрогнула, инстинктивно сжав пальцы.

— Да, — коротко ответила она, прижимая трубку к уху.

— Вы не заперли дверь на верхний замок, — раздался в трубке низкий, спокойный голос Громова. — В вашем новом доме плохая система безопасности. Я рекомендую заменить личинку замка завтра же.

Надежда замерла, не в силах ответить.

— Откуда вы... — начала она, но он перебил её.

— У меня есть свои методы работы с информацией, Надежда. Сейчас главное — ваш покой. Ложитесь спать; завтра нам понадобится вся ваша сосредоточенность.

В трубке воцарилась тишина, и через секунду связь оборвалась. Надежда медленно опустила телефон на пол, глядя в пустоту комнаты. Он знал, где она находится, знал даже о незапертом замке. Чувство незащищенности сменилось странным ощущением — впервые за долгое время она почувствовала, что кто-то действительно контролирует ситуацию, кто-то сильнее и умнее всех её врагов и союзников.

Она встала с дивана и подошла к двери, чтобы запереть замок, как он советовал. Руки всё еще немного дрожали, но внутри больше не было той жгучей боли, которая сопровождала её с утра. Теперь там было нечто иное: холодное любопытство и предчувствие большой перемены.

Утро в госпитале встретило Надежду привычным гулом голосов, запахом антисептиков и белой, слепящей чистотой коридоров. Она шла по знакомому маршруту к своему кабинету, стараясь не смотреть по сторонам и игнорировать любопытные взгляды коллег. Внутри всё ещё дрожали остатки вчерашнего напряжения, но на лице застыла маска профессионального спокойствия.

Под кабинетом сидел Макар. Он выглядел измотанным: темные круги под глазами, помятый воротник рубашки. Увидев ее, он встал.

— Надя, подожди, — он преградил ей дорогу, понизив голос до заговорщицкого шепота. — Ты не пришла домой. Где ты ночевала? Ты понимаешь, что это выглядит...

— Неважно, как это выглядит, — спокойно перебила его Надежда, обходя мужа. — Главное, что я больше не там.

— Ты с ума сошла! — в его голосе прорезались прежние нотки раздражения и власти. — Из-за какой-то случайной связи ты рушишь семью? Вернись домой, мы всё обсудим.

Надежда остановилась и повернулась к нему. В её взгляде больше не было прежней мягкости; сейчас он видел только холодную решимость.

— Больше никаких обсуждений, Макар. Моя жизнь больше не касается тебя.

Она открыла дверь своего кабинета и вошла внутрь, плотно закрыв за собой дверь. Оказавшись в тишине, Надежда облегченно выдохнула и села за стол. Ей предстоял тяжелый день, а в четыре часа должен был состояться разговор, который окончательно определит её судьбу.

На рабочем столе лежал листок бумаги с запиской от старшей медсестры о состоянии пациентов в палатах. Надежда взяла ручку, но рука замерла над документом. В голове всё ещё звучали слова Громова о лояльности и защите.

В кабинет заглянула Лара. Подруга, заметив по лицу Надежды, что та пребывает в состоянии глубокого раздумья, прошла внутрь.

— Пошли в столовую, — сказала Лара, разглядывая поникшие плечи подруги. — Ты с самого утра такая хмурая, что даже интерны тебя обходят стороной. Что случилось?

Надежда тяжело вздохнула и поднялась со стула. Ей вдруг стало необходимо выговориться, чтобы не взорваться прямо здесь. Вместе с Ларой они медленно двинулись по коридору в сторону столовой.

— Он изменил мне, — тихо произнесла Надежда, когда они оказались в относительно безлюдном переходе. — И я больше не собираюсь делать вид, что всё в порядке.

Лара остановилась, удивленно приподняв брови.

— Что? Твой Макар? Да ты шутишь! У вас же было все хорошо.

— Я вчера решила отнести ему обед, и застала в кабинете с любовницей которую он трахал на своем столе — Надежда сжала кулаки, чувствуя, как внутри снова закипает гнев.

— И что ты теперь будешь делать? — Лара обеспокоенно взяла её за руку. — Куда ты пойдешь?

— Я уже сняла квартиру, — Надежда обернулась к подруге, и её взгляд стал жестким. — И я не собираюсь возвращаться. Но есть кое-что ещё... новый начальник Макара предложил мне помощь. Не просто поддержку, а настоящий союз.

— Ты уверена, что можно доверять этому человеку?

— Не знаю, — Надежда задумчиво помолчала, вспоминая его холодный голос и странное предложение. — Но сейчас мне нужен тот, кто поможет мне выстоять против всех.

Глава 14

После посещения столовой Надежда вернулась в кабинет и обнаружила сообщение от Громова:

«Встретимся в кафе «Заря» в 16:00».

Она почувствовала облегчение: ей не нужно было идти в управление и сталкиваться с Макаром и его любовницей.

В кафе её встретил звон посуды и гул голосов. За дальним столом у окна сидел Валерий Громов, который выглядел непривычно расслабленным: верхняя пуговица рубашки была расстёгнута, локти лежали на столе, взгляд был устремлён на улицу. Увидев её, он едва заметно кивнул, приглашая сесть напротив.

Надежда с трудом села на стул, чувствуя, как дрожат её пальцы. Официант сразу же предложил меню, но она лишь отрицательно покачала головой. Громов молчал, пристально изучая её лицо, словно пытаясь понять, насколько она измотана.

— У вас такой вид, будто вас сбил грузовик, — произнёс он низким, спокойным голосом. — Закажите кофе или что-нибудь покрепче. Вам нужно восстановиться.

Она хотела ответить резко, но слова застряли у неё в горле. В его взгляде не было жалости — только холодная оценка ситуации и странное, почти профессиональное сочувствие. Надежда поняла, что больше не хочет притворяться сильной. В этом шумном месте, под его спокойным присутствием, можно было наконец расслабиться.

— Кофе, — хрипло произнесла она, и голос прозвучал чуждо, словно принадлежал другому человеку. — Черный. Без сахара.

Официант исчез, оставив их в тяжёлом молчании. Надежда рассматривала свои руки, и пыталась сосредоточиться на чём-то одном, чтобы не провалиться в липкий омут собственных мыслей. Громов, напротив, казался абсолютно спокойным; он изучал её с тем же бесстрастным интересом, с каким рассматривают карту предстоящего сражения.

— Вы ведь понимаете, что это только начало, — сказал он, когда официант поставил перед ней чашку. — Марат не отступит так просто. Он привык получать всё, что хочет, и сейчас он хочет вернуть вас.

— Я знаю, — Надежда обхватила пальцами горячий фарфор, и тепло постепенно вернуло её в реальность. — Но я больше не хочу играть в эту игру. Мне всё равно, что он думает или что он будет делать дальше.

Громов усмехнулся, и в этой усмешке мелькнуло что-то почти ироничное. Он подался вперёд, сокращая расстояние между ними, и теперь она чувствовала тонкий запах его одеколона — холодного, с нотками кожи и металла.

— Тогда вам придётся стать ещё жестче, чем он. В этой ситуации проигрывает тот, кто первым проявит слабость. А вы сейчас выглядите так, будто готовы упасть в обморок от одного упоминания его имени.

Надежда подняла на него взгляд. В его глазах читалось предостережение, смешанное с чем-то ещё — чем-то, чего она не могла разобрать. Возможно, это был вызов. Она не хотела быть слабой, но сейчас даже дышать было трудно, а Громов смотрел на неё так, будто знал все её секреты и все её страхи наперёд.

— Вы предлагаете мне стать такой же, как он? — тихо спросила она, сжимая чашку ещё сильнее.

Громов покачал головой, и его взгляд стал более серьёзным.

— Нет. Я предлагаю вам стать лучше. Марат играет в имитацию, он привык к фальши. А вам нужно найти в себе то, что нельзя имитировать. Настоящую силу, которая рождается из осознания того, что терять вам больше нечего.

Надежда сглотнула, чувствуя, как в груди поднимается глухое раздражение, смешанное с бессилием. Ей хотелось сказать, что она не солдат, не умеет сражаться и не понимает, о какой силе идёт речь. Но Громов, словно прочитав её мысли, продолжил:

— Боль — это отличный инструмент. Если правильно ею пользоваться, она перестаёт быть врагом и становится союзником. Сейчас вы позволяете ей управлять вами, но если развернёте её в свою сторону...

Он замолчал, внимательно наблюдая за её реакцией. Надежда молчала, глядя в чёрную поверхность кофе. В этот момент она вдруг поняла, что этот человек видит её насквозь: всю её хрупкость, всю её отчаянную попытку сохранить остатки достоинства. И, вопреки ожиданиям, это не напугало её.

— И что мне делать? — наконец произнесла она. — Просто... перестать чувствовать?

Громов медленно улыбнулся — на этот раз искренне, без тени иронии.

— Наоборот. Почувствуйте всё до самого дна. А потом вставайте и выходите из этого кафе с таким видом, будто всё идёт именно так, как вы планировали.

Надежда медленно подняла голову, всматриваясь в его непроницаемое лицо. Слова Громова звучали парадоксально, но в них была какая-то суровая логика, которая сейчас была ей необходима больше, чем утешения. Она ощутила странный прилив энергии, словно его уверенность передалась ей через стол.

— Вы говорите так, будто это простое техническое задание, — заметила она, стараясь добавить в голос твердости.

— В некотором смысле так и есть, — Громов откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. — Разница лишь в том, что в этот раз инструментом являетесь вы сами. Вам не нужно ничего строить или разрушать извне; всё, что требуется — это перестроить внутренний порядок.

Она сделала глоток обжигающего кофе, позволяя горечи наполнить рот. Это помогло окончательно прояснить мысли. Боль никуда не исчезла, но теперь она казалась менее хаотичной, почти структурированной. Громов был прав: имитировать спокойствие бесполезно, если внутри всё ещё клоочет буря.

— Почему вы помогаете мне? — спросила она, глядя ему прямо в глаза. — Мы ведь едва знакомы.

Громов некоторое время молчал, и в этом молчании не было неловкости — только тяжелое, густое раздумье. Наконец он ответил:

— Потому что я не люблю видеть, когда понравившаяся мне девушка тратит свой ресурс. А вы — мне нравитесь, Надежда. Просто сейчас вы находитесь в состоянии затяжного кризиса.

Надежда почувствовала, как по коже пробежал холодок от его прямолинейности. Он не пытался льстить или успокаивать её; он констатировал факт, лишая её возможности спрятаться за привычными женскими обидами. В этот момент она поняла, что этот человек может стать либо её самым суровым судьёй, либо единственным шансом выбраться из этого ада.

Громов взглянул на часы и, поднявшись, бросил на стол купюру, покрывающую их счёт.

— Завтра праздник в честь дня МВД, и вы должны пойти туда со мной, — произнёс он, застегивая пуговицу рубашки. — Это будет наше первое официальное появление.

Надежда застыла, не в силах пошевелиться. Мысль о том, что ей придётся идти с ним, стоять в зале с бокалом шампанского и улыбаться гостям, казалась невыполнимой задачей. Она представила взгляд Марата, и шепотки за спиной — и это подтвердит догадки о разладе в их семье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.